

Валентина Скворцова:

К 70-ЛЕТИЮ ПОЛНОГО
СНЯТИЯ БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА

Люди шли. Падали. И умирали

По этике надо бы «18+» поставить. Дальше будет о маме, которая (как ни пытайся согреть её детские ручонки) всё равно не проснётся. И о сестре, которую (кому-то очень есть хотелось) чуть не сварили заживо. Но по совести – читать всем. Не для того чтобы научиться плакать при слове «блокада». Чтобы научиться радоваться – каждому дню, в котором этого слова нет. Так, как умеет радоваться Валентина Скворцова. Стереть улыбку с её лица две блокадные зимы не сумели. Сколько ни старались.

- Валентина Никандровна, в 2014-м просто выговаривается: «Блокада». А вы – из сорок первого – что скажете?

- А я уже всё сказала – в воспоминаниях. Ведь как получилось? Я пришла к вам в редакцию подавать сведения о родителях как безвестно пропавших в годы Великой Отечественной. А вы вдруг позвали на интервью, тогда и решила: напишу-ка я, что припомнится. И написала.

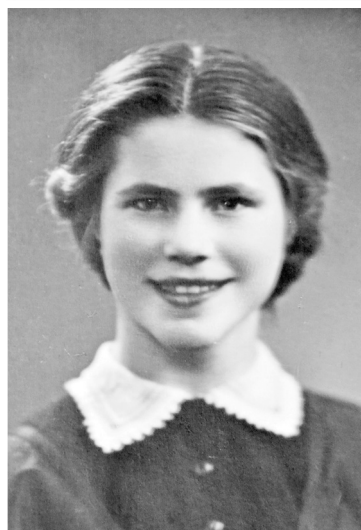
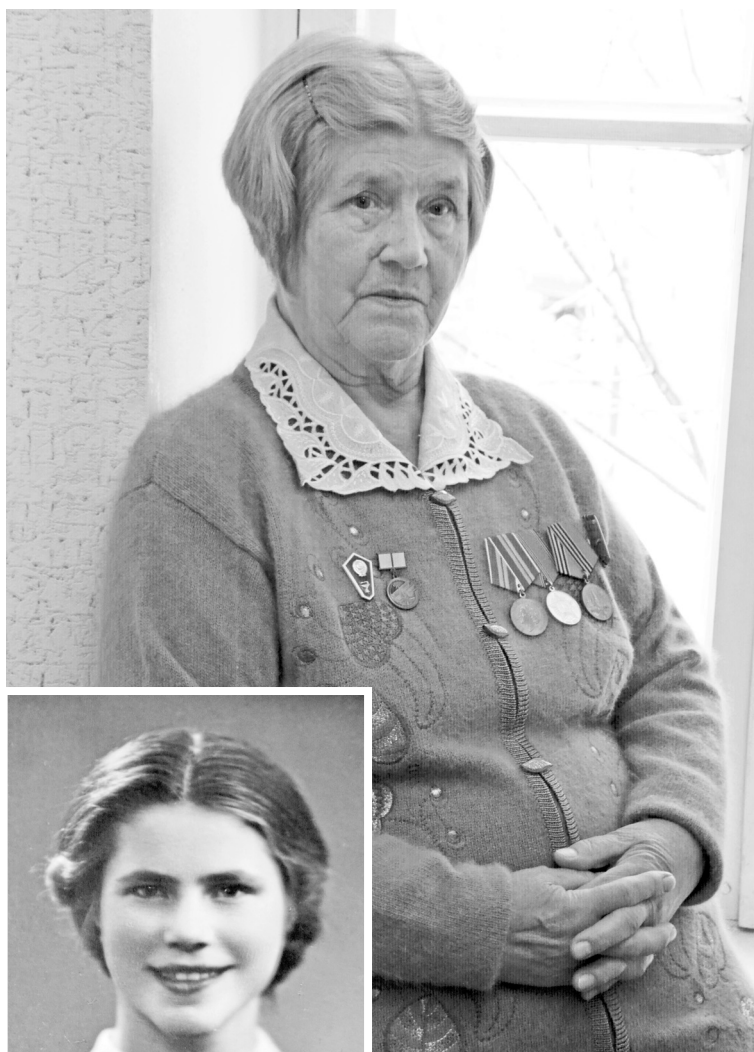
- «Июнь 1941 года. Отец, мать, сестра Нина и я идём к храму. Моё крещение» – первое, что написали. Потому что самый счастливый день?

- Тогда я была потрясена. Потряс храм – думаю, тот, что на Литераторских мостках,

немец летал, желая нас всех перестрелять. А я-то не помню, маленькая была: три года.

- Трёхлетнему человечку не объяснишь, что война. Но он ведь чувствует...

- Детское впечатление от блокады – страшное небо. Разрывы, прожектора, грохот. Это впечатление долго не оставляло: уже потом, когда мы были в эвакуации в Ярославле, я часто смотрела на небо. И постоянно хотела есть. Хорошо помню, как стою на монастырском кладбище, рядом ребятня какая-то бегают, и мы рвём кладбищенскую траву и жуём её. Но это позже, а сразу после обстрела нас эвакуировали в глубь Ленинграда – мы с мамой

- И с этой капели началась ваша детдомовская жизнь. Целая жизнь – пятьдесят лет.

- Да, уже в июле сорок второго я оказалась в первом детдоме. Помню, проснулась как-то посреди ночи – метроном стучит. Вокруг дети спят: кто на козлах, кто на раскладушках, кто на досках. Посреди комнаты, за столом – у ног коптилочка – сидит женщина. Вся закутанная, в ватнике, в платках – видно, очень холодно. Вдруг радио заверещало: «Воздушная тревога!». Сигнал этот долго потом звучал в памяти. Мы тихонько идём в бомбоубежище. Здесь какой-то дядька меня запикивает на полосатый матрас, даже полоски красные. Упадёт на нас бомба – погибли, не упадёт – повезло. Тогда повезло. Две страшные зимы я провела в блокадном Ленинграде. И выжила.

- После возвращаться в него хотелось?

- Когда объявили победу, детдомовцев выстроили в линейку и стали делить: ленинградских – налево, остальных – направо. И всем хотелось быть ленинградскими. Меня, слава Богу, определили «налево» – и вот мы едем в Ленинград. Поезд весь украшен – в кумаче, в лозунгах, портрет Сталина, как вы понимаете. Я была

Когда пришёл управдом с отрядом комсомольцев, он увидел в нашей квартире мёртвую женщину и почерневшую, обезумевшую девочку. Сестре тогда двенадцать лет было. Ребёнок ещё совсем, не поняла: ну спит мама и спит. Она её утюгом отогревала, к ногам всё прикладывала.

потому что ближе к нашему дому церкви не было. Огнями, блеском икон, лицом священника, который мне на лбу рисовал крестик. Он был с бородой – я даже испугалась немножко (улыбается.). Но главное: был солнечный день. Как сейчас вижу солнечные блики сквозь зелень и платя – мамы, сестры и моё. Даже цвет запомнила.

- И какой же?

- Светлые в розовый цветок они были. Совершенно одинаковые: жили-то бедно. И вот идём мы с сестрой Ниной, с нами мать и отец. Их лиц я не помню – только силуэты. А ещё помню ощущение, что мы семья.

- Мама с папой навсегда остались ощущением?

- Папу призывали в самом начале войны. Он здоровенный был – метр девяносто. Всю Гражданскую прошёл, а с Великой Отечественной не вернулся... 8 сентября случился сильнейший налёт немецкой авиации. На Московский район, где мы жили, в тот день упало пять тысяч бомб из шести. Конечно, все наши дома... Да всё сгорело. Мы с сестрой спрятались в траншее. Нина потом рассказывала, что даже разглядела лицо лётчика – вот как низко

и сестрой попали в Петроградский район, в чужую квартиру, хозяйка которой уехала. Там мама и умерла. В марте сорок второго.

- Просто легла и больше не встала – так и было на самом деле?

- Уже в конце декабря вообще ничего не выдавали по карточкам – даже хлеб. Мама работала в «Ленэнерго» на Марсовом поле, тяжело ей приходилось, вот и... Когда пришёл управдом с отрядом комсомольцев, он увидел в нашей квартире мёртвую женщину и почерневшую, обезумевшую девочку. Сестре тогда двенадцать лет было. Ребёнок ещё совсем, не поняла: ну спит мама и спит. Она её утюгом отогревала, к ногам всё прикладывала.

- А смерть вообще понять невозможно. Мамину – особенно.

- Да Нине со смертью не раз доводилось встречаться. Однажды пошла она за хлебом. Тут к ней старушка, прямо падает: «Ой, деточка, помоги мне. Проводи – я здесь живу напротив». А Нина же пионерка, отличница, активистка. Папа был красный кавалерист, дочь воспитывал соответствующе. Как не помочь?

Проводила. Говорит, только за бабушкой в дом вошла... А голодный человек, знаете, как запах чувствует? Почувствовала сестра запах хорошего мясного бульона. Вдруг девушка молодая появляется и кричит: «Мама, какой ты вкусный кусочек привела!». Нина как услышала это – слава Богу, дверь за спиной – так и бросилась бежать.

- Людоедство. Значит, тоже не миф.

- Люди же просто шли по улице, падали и умирали. Об этом Нина тоже рассказывала: как-то идёшь за хлебом, смотришь – упал мужчина. Она выстояла очередь, получила хлеб, возвращается – у него уже все мягкие места вырезаны. Всё, что можно.

- А как Нина вообще выстояла?

- Потому что уникальный человек была. С тринадцати лет по двенадцать часов у станка стояла. Ветеран войны, житель блокадного Ленинграда, ветеран труда, депутат районного совета трудящихся депутатов, делегат XXII съезда пар-

Мы тихонько идём в бомбоубежище. Здесь какой-то дядька меня запикивает на полосатый матрас, даже полоски помню красные. Упадёт на нас бомба – погибли, не упадёт – повезло. Тогда повезло. Две страшные зимы я провела в блокадном Ленинграде. И выжила.

тии... Знаете, как её уважали? И при этом почти до сорока лет жила в общежитии, а после – в пятнадцатиметровой комнате в коммуналке, которую сама же и построила. Помните, была хрущёвская народная стройка? Смена у станка, восемь часов, потом смена на стройке – вот так она работала. Пока не получила группу инвалидности. А вообще, Нина мне жизнь спасла.

- ???

- К январю сорок второго я стала умирать. А у мамы приятельница была, работала в педиатрическом институте. Она и говорит: «Слушай, Нина, твоя мама и сестрёнка Валя – обе могут умереть. Помоги мне дедушку довести до больницы, а я помогу тебе устроить Валу в клинику». Нина помогла, конечно. Потом на саночках привезла меня в клинику педиатрического института. Я вижу себя на руках у женщины в белом халате. За окном – снег. И сосульки капая.

счастлива! Домой! Кажется, у Ахматовой есть стихи о том, что ленинградские улицы хранят звук её шагов. То же я могу сказать про себя: улицы Ленинграда помнят и мои шаги.

- Но они помнят и ваше детство, которого не было. Совсем не поэтично. А вы улыбаетесь.

- А нам не было свойственно хныкать. Да и киснуть некогда – жизнь была ключом. Мы были пионеры, комсомольцы, коммунисты. И не потому, что кто-то там чего-то – по велению сердца. Искренне верили в страну, которая когда-то спасала нас из последних сил. Да и что выпало на мою долю? Трудности – да, были. Но главное, что в моей жизни не было плохих людей.

Дарья ШАНИНА
Фото Сергея Калинина
и из личного архива
Валентины Скворцовой

Скажи «Спасибо» - выбери «Человека января»

Все мы, жители Костромской области, одна большая семья. И нам всем действительно есть за что благодарить тех, кто живет рядом, будь то фельдшер родного ФАПа, любимая учительница, старший по дому, социальный работник или местный участковый, а также ваши друзья, соседи и коллеги. Теперь свое «спасибо» в их адрес вы можете сказать громко, так, чтобы услышали все. Сделать это поможет «Северная правда» - газета для каждого жителя области. Каждый месяц человеку, получившему максимальное количество ваших благодарностей, присваивается почетное звание «СП» — «Человек месяца», а в газете ему посвящается отдельный журналистский материал. Свои «спасибо» (короткое сообщение из двух-трех предложений с фамилией, именем и отчеством заслужившего благодарности человека и вашими контактными данными) присылайте по адресу: **156000, г. Кострома, ул. Свердлова, д.2, редакция газеты «Северная правда»** (с пометкой «Спасибо») или по электронной почте: sevpravda1907@yandex.ru